

Сяо Яньюэ почувствовал сильное раздражение, развернулся, откинул занавеску паланкина и вышел. Он сел на лошадь, приказал отряду отправиться в путь и сначала вернуться в уезд Бэйсянь.

После того как Сяо Яньюэ ушёл, в паланкине остались только Ци Чжу и Бай Юй. Ци Чжу посмотрел на повязку вокруг своего живота. Сяо Яньюэ действительно перевязал рану довольно тщательно.

Он уже давно не получал ранений, и хотя он сам использовал эту уловку, Сяо Яньюэ был одним из немногих, кто смог оставить на нём такой шрам.

Бай Юй, сидящий в углу, вдруг заговорил, его голос звучал с нотками напряжения:

— Маркиз, Павильон Ряски подчиняется непосредственно императору. Хотя мы находимся под командованием господина главы павильона, внешне мы являемся официальными военными чиновниками императорского двора. Без прямого указа императора даже господин главы павильона не может принимать решения... Пожалуйста, не говорите таких вещей, чтобы не разгневать императора.

Бай Юй беспокоился, что Ци Чжу навлечёт на себя беду из-за таких слов. Но, отбросив это, он сам... ему не нравилось, когда маркиз говорил подобное.

Дело с Учением Моро ещё не закончено. Хотя их база была обнаружена, лидер секты всё ещё на свободе. Остальные вопросы нужно обсудить в княжеском доме.

Когда они добрались до уезда Бэйсянь, уже наступила ночь. До княжеского дома оставался долгий путь, и с раной на теле маркиза было неудобно ехать ночью. Поэтому они остановились в местной гостинице.

Сяо Яньюэ остался в комнате Ци Чжу. В комнате была только одна кровать, и он не планировал спать сегодня, поэтому сел за стол, зажёл лампу и начал читать секретные письма, прибывшие из столицы за последние дни.

Когда ночь углубилась, Ци Чжу на кровати уже крепко спал. Возможно, ему что-то снилось, он слегка пошевелил рукой, положив её на себя.

Если бы он продолжал спать в такой позе, это могло бы сдавить рану на груди и животе. Сяо Яньюэ, немного почитав письма, заметил, что Ци Чжу всё ещё лежит неподвижно, и встал, подойдя к его кровати.

Казалось бы, достаточно было просто аккуратно отодвинуть руку Ци Чжу и положить её в сторону, но такая простая задача поставила Сяо Яньюэ в тупик.

Он медленно протянул руку, стараясь действовать как можно мягче, и положил пальцы на запястье Ци Чжу, собираясь поднять его руку. Но в этот момент Ци Чжу внезапно развернул запястье, сжал пальцы и крепко схватил руку Сяо Яньюэ.

Сяо Яньюэ в ужасе вздрогнул, и, будучи потянутым вперёд, наклонился над Ци Чжу. Его распущенные волосы соскользнули сзади и упали на шею Ци Чжу.

Сяо Яньюэ был уверен, что Ци Чжу действительно спал, но тот смог проснуться в момент его приближения, что говорило о его реакции и бдительности.

Ци Чжу открыл глаза и посмотрел на него:

— Господин главы павильона, что вы делаете?

— Я увидел, что вы придавили рану, и хотел помочь вам убрать руку, — холодно ответил Сяо Яньюэ. — Не ожидал, что вы так насторожены.

— О? Похоже, я был невежлив, — сказал Ци Чжу.

Он отпустил запястье Сяо Яньюэ, но заметил его волосы, лежащие на своей шее. Он поднял одну прядь, а Сяо Яньюэ, не заметив этого, поднял голову, и волосы натянулись.

Ци Чжу рассмеялся:

— Простите.

— Что вы делаете? — с раздражением спросил Сяо Яньюэ.

— Ваши волосы такие гладкие и мягкие, приятно трогать, — сказал Ци Чжу, позволяя прядям скользнуть между пальцев. — Уже поздно, господин главы павильона, вам стоит отдохнуть.

Сказав это, Ци Чжу убрал руку в сторону и спокойно закрыл глаза. Через мгновение он почувствовал, как свет в комнате погас, а матрас рядом слегка прогнулся. Он снова открыл глаза и увидел, что Сяо Яньюэ сел рядом.

— Господин главы павильона, что-то ещё? — спросил Ци Чжу.

— Вы сказали мне отдохнуть, — ответил Сяо Яньюэ.

Ци Чжу имел в виду, что ему стоит вернуться в свою комнату. После нескольких дней, проведённых вместе, теперь, когда в этом не было необходимости, почему он вдруг решил делить с ним кровать?

— Господин главы павильона, не нужно себя утруждать, — сказал Ци Чжу.

К его удивлению, Сяо Яньюэ снял верхнюю одежду и внезапно наклонился к нему, тихо сказав:

— Маркиз, просто спите.

Сяо Яньюэ лёг рядом с Ци Чжу, его рука медленно легла на грудь Ци Чжу, прямо над сердцем.

В этот момент Ци Чжу понял, что Сяо Яньюэ снова пытается проверить, чувствуется ли внутренняя сила в его сердечном канале, и планирует делать это всю ночь.

Его каналы не были полностью разорваны, и в сердечном канале всё ещё можно было почувствовать ци, что противоречило его предыдущим словам о скрытых каналах. Если Сяо Яньюэ заметит внутреннюю силу в его сердечном канале, он поймёт, что Ци Чжу солгал.

Подавлять ци в течение нескольких часов Ци Чжу мог, но сложность заключалась в том, что для этого нужно было оставаться в сознании. А если он останется в сознании, Сяо Яньюэ заметит это по его пульсу.

В отличие от ситуации в паланкине, когда он мог объяснить своё бодрствование тряской, теперь Сяо Яньюэ знал, что он владеет боевыми искусствами, и специально велел ему спать,

явно подозревая что-то. Если бы он обнаружил, что Ци Чжу не спит, он бы понял, что тот намеренно подавляет ци.

Если бы он действительно заснул, ци не смог бы подавляться, и Сяо Яньюэ бы обнаружил, что его боевое мастерство гораздо выше.

Однако, как говорится, «если пришла беда — встречай её лицом к лицу». Сяо Яньюэ хотел поставить Ци Чжу в безвыходное положение, но он был ещё слишком молод.

— Господин главы павильона, как я могу уснуть в таком положении? — спросил Ци Чжу.

— Мы с вами спали вместе не в первый раз, — ответил Сяо Яньюэ. — Почему же теперь вы не можете уснуть?

— Хотя мы спали вместе, мы спали отдельно, — ответил Ци Чжу. — Вы никогда так не делали. Позвольте мне быть откровенным, господин главы павильона, мне действительно неудобно спать, касаясь кого-то.

Сяо Яньюэ холодно хмыкнул:

— Если бы я был женщиной, у вас бы не было столько проблем.

— Дело не в этом.

Ци Чжу перевернулся на бок, вдруг нахмурился и с подавленным стоном выразил боль. Сяо Яньюэ тут же сел на кровати, развязал одежду Ци Чжу и увидел, что повязка на его груди и животе пропиталась кровью — рана раскрылась.

Сяо Яньюэ сжал сердце, встал и вышел из комнаты, чтобы позвать кого-нибудь за лекарством и новой повязкой. Вернувшись, он снова обработал рану, перевязал её и больше не поднимал эту тему.

Ци Чжу мог видеть, что, несмотря на слова Сяо Яньюэ о том, что он мог бы казнить его без суда, тот всё же чувствовал некоторую вину за то, что ранил его.

Главное, чтобы он никогда не узнал, что рана была нанесена им самим с помощью внутренней силы.

На следующее утро все приготовились отправиться в путь к княжескому дому. Ци Чжу подошёл к экипажу, стоящему во дворе гостиницы. Вчера, из-за раны, он не обратил внимания, но сегодня заметил, что вокруг одного из паланкинов строго охраняют десятки стражников.

— Это? — спросил Ци Чжу.

— Сторожат того наёмника, — ответил Сяо Яньюэ.

Ци Чжу задумался на мгновение:

— Я посмотрю.

Он направился к паланкину, а Сяо Яньюэ, глядя на его спину, последовал за ним.

Ци Чжу откинул занавеску паланкина и увидел, что наёмник, бледный и обессиленный, связан в углу. На его теле не было видимых ран, но все ногти на пальцах были раздроблены, ладони

покрыты кровью. Очевидно, он подвергся невыносимым пыткам.

Услышав, что кто-то вошёл, наёмник слегка открыл глаза, его веки были покрыты густой сетью кровеносных сосудов, а взгляд казался пустым и рассеянным.

Увидев Ци Чжу, наёмник вдруг замер, словно что-то понял, и начал смеяться.

Кровь хлынула из его семи отверстий, внутренние органы явно были серьёзно повреждены, но он, казалось, не чувствовал боли, смеясь почти безумно.

Эта сцена шокировала и Ци Чжу, и Сяо Яньюэ. Сяо Яньюэ инстинктивно выхватил меч, встав перед Ци Чжу, но тот положил руку на его плечо и спокойно сказал:

— Господин главы павильона, он уже недолго проживёт и не сможет мне навредить. Давайте послушаем, что он хочет сказать.

Сяо Яньюэ колебался, но опустил меч.

Ци Чжу присел перед наёмником:

— Что ты хочешь сказать?

Наёмник, эмоционально взволнованный, казалось, был на грани. Он начал кашлять кровью. Из последних сил он протянул руку, схватил рукав Ци Чжу и, широко раскрыв глаза, хрипло прошептал:

— Ты... ты... это ты...

Его губы шевелились, дыхание становилось всё слабее:

— Всё это... это... беда...

<http://bllate.org/book/16247/1461413>